

Хуа Юн пережил тяжелый период дифференциации, и комнату наполнил густой, пронизывающе-холодный аромат орхидеи, неся с собой врожденное давящее чувство, словно предупреждая посторонних не подходить близко.

На другой стороне, в стране П, Хуа Лин наконец выпустилась из детского сада и стала школьницей.

Время течет подобно воде, бесшумно утекая сквозь пальцы.

Уход матери Хуа Юна из жизни никак не отразился на семье Хуа. Она мирно покоилась на кладбище семьи Лун, а Хуа Юн рос вместе с Лун Цзо и из-за дел семьи Хуа и Хуа Лин постоянно курсировал между двумя местами.

— Брат, ты опять ездил в Цзянху к невестке? — пятнадцатилетняя Хуа Лин, хрупкая и тоненькая, словно молодой побег ивы, напоенный весенними водами, за одну ночь вытянулась в росте. Белокожая, с тонкими запястьями, с ключицами, словно бабочки, затаившимися под воротом одежды, и прямыми, длинными ногами, она стояла во дворе, и ее тень в лучах заходящего солнца казалась необычайно длинной.

Окружающий ее воздух был насыщен нотами лекарственной амбры, где кожаный аптечный оттенок шафрана переплетался с хмельной травянистой горечью полыни, отзываясь едва уловимым амбровым теплом и выдавая в стоящей перед ними девушке Омегу S-класса.

— Да, сделал много новых фотографий. И так тяжело подолгу не иметь возможности находиться рядом с господином Шеном, поэтому, когда выпадает шанс навестить его, я, естественно, еду, — для Хуа Юна отец, дяди, братья и сестры — все они были коварными, обманывали старших и скрывали правду от младших, притесняли слабых и пасовали перед сильными, поистине ничтожными людьми. Так называемые кровные родственники, за исключением Хуа Лин, не стоили и ломаного гроша.

Шэнь Вэньлан, единственный человек, которого можно было назвать его другом, часто говорил, что он холоден, но Хуа Юн не понимал, зачем проявлять теплоту к посторонним. За свою жизнь Хуа Юн повидал столько людей — кругом полно тех, у кого на устах мед, а в сердце меч, чьи слова расходятся с делом. И лишь Шэнь Шаою был теплым и лучезарным, подобно яркому солнцу, зависшему в синеве небес.

Даже его младшая сестра Хуа Лин в раннем детстве во время дифференциации из-за семейных распрей оказалась втянута в то шокировавшее всю страну П дело о похищении и торговце людьми.

Хотя Хуа Юн вернулся в страну П с невероятной скоростью, а Шэнь Вэньлан задействовал все связи семьи Шэнь, Хуа Лин нашли лишь спустя три трое суток. Она лежала на больничной койке, вся в шрамах, и без того молчаливый от природы характер стал еще более отстраненным. Период дифференциации, который она еще не успела полностью преодолеть, делал ее и без того лишенное красок лицо еще бледнее.

Хуа Лин не желала вспоминать, что именно произошло за те трое суток, и узнать это было невозможно. Но Хуа Юн знал: А-Лин боль. Она часто просыпалась по ночам от кошмаров и не могла уснуть.

Однако Хуа Лин решительно противилась визитам к психотерапевту, и эта ее привычка прятать болезнь от врачей заставляла Хуа Юна, чье сердце было целиком отдано господину Шену, неизменно чувствовать себя беспомощным.

— Уже в седьмой раз. Будучи ребенком из законной семьи, он проявляет столько мягкосердечности к незаконнорожденному, — рассказывая о своей поездке в Цзянху, Хуа Юн с карандашом и бумагой в руках запечатлевал новый образ господина Шена.

— Опять этот Шен Шаоцин? Семья такая, а у невестки поистине редкая и чистая душа, — если бы представилась возможность, стоило бы просто прикончить Шен Шаоцина, избавившись от его вечных козней и угрозы для железы брата. Жаль только, что эта сила сюжета вечно мне мешает, — мысленно вздохнув, Хуа Лин легко коснулась рукой груди. Еще много лет назад она пыталась вмешиваться в мелкие детали, надеясь предотвратить кое-какие ненужные злоключения Хуа Юна, а заодно и побороть фобию Шэнь Вэньлана к омегам. Но в итоге все закончилось провалом.

Стоило Хуа Лин попытаться что-то изменить, как некая неведомая сила начинала подтачивать ее жизненные силы, вызывая череду случайностей и заставляя ее пропускать ключевые моменты.

Впрочем, после стольких лет попыток она уже научилась рассчитывать меру и теперь просто ждала, когда старик Хуа отойдет в мир иной, а Хуа Юн возьмет в свои руки контроль над северным конгломератом.

Бесчисленными ночами она неизменно просыпалась в холодном поту от кошмаров тех лет. Похитители думали, что такой товар с прекрасной внешностью, к тому же стоящий на пороге дифференциации в омегу, удастся выгодно продать, и пощадили ее, избавив от ужасной участи.

Но эта багровая пелена словно до сих пор стояла перед глазами, а детские плач и крики отчаяния эхом отдавались в ушах. Торговцы людьми утащили детей, бывших рядом с Хуа Лин, и всего через одну полуразрушенную стенку от нее разливались лужи крови.

Хотя в этой жизни она родилась в хаотичном и жестоком влиятельном клане, для ребенка, выросшего в мирной и безопасной обстановке на родине, подобная кровожадность была сродни пережитому ужасу, от которого кровь стынет в жилах. Обладая душой взрослого человека, она оказалась заперта в хрупком теле, которое под воздействием периода дифференциации стало донельзя слабым.

Она ничего не могла поделать и была не в силах спасти того ребенка, а это чувство беспомощности вызывало лишь отвращение.

В особняке, где она постоянно жила в стране П, у Хуа Лин наступила первая течка. Находящееся на грани краха ментальное состояние переплелось с уязвимостью этого периода, и она схватила лежавший на столе канцелярский нож, с силой полоснув себя по железе.

Если бы не сверхчеловеческие чувства и скорость Хуа Юна, обладающего природой энигмы, возможно, история Хуа Лин на этом и закончилась бы.

<http://bllate.org/book/22383/2348206>